



Дао дэ цзин Комментарий

Владимир Кочетков

Владимир Кочетков

Дао дэ цзин Комментарий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73376943

SelfPub; 2026

Аннотация

Философский трактат, краткий, потаённый, ёмкий. Шедевр мировой философской мысли. В комментариях предпринята попытка расшифровать и осмыслить содержание.

Содержание

Лао цзы.	5
Общее предисловие.	6
Вступление.	8
Текст – комментарий.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Кочетков

Дао дэ цзин Комментарий

Лао цзы.

Перевод Ян Хин-шун

Комментарий В. Л. Кочетков

Общее предисловие.

Серия моих книжечек: «Тайны врачевания Древнего Китая», «Лекарственные растения в традиционной китайской медицине», «Питание и способ мышления в медицине систем», «Причины заболеваний и способ мышления в медицине систем», «Традиционная китайская медицина», комментарий к «Дао дэ цзин», а также «Атлас акупунктуры», написаны в период с 1990 по 2005 годы. Естественно, сейчас я бы написал несколько иначе, но пусть останется как есть. Нынче 2026 году в преддверии новых текстов и нового проекта, и в другой жизни я решил опубликовать сделанное ранее, чтобы собрать в одном месте прошлое, для желающих погрузиться в тему по полной очень пригодиться. Первые три книжечки были удостоены бумажного варианта, остальные существовали в электронном виде. Всё было доступно и бесплатно, пусть и нынче будет также. Но не забывайте о подаянии автору, для меня это весьма и весьма актуально. Приятного поиска истины и погружения в неведомое. Да, кстати, чуть не забыл, следующие работы будут посвящены пульсодиагностике непосредственно, точнее исследованию пульса, как методу познания. И явятся миру в ближайшее время. И ещё два сборника: Афоризмы и Пьесы, не пропадать же добру.

Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас.

Иммануил Кант.

Книги делятся на четыре категории: одни можно читать, другие можно не читать, ещё есть книги, которые нельзя не читать, а также такие, которые нельзя читать.

В. Кочетков.

Вступление.

При анализе древних текстов всегда присутствуют некоторые проблемы. Во-первых, проблемы перевода. Язык человеческий субстанция не стабильная, динамичная, живая. Смысл и значение слов и терминов со временем может существенно измениться, иногда и вовсе выйти из употребления. Переводчику или интерпретатору необходимо подбирать адекватные древним речевые обороты и словосочетания, что иногда просто невозможно. Вероятно, чтобы сохранить смысл, приходится отчасти перестраивать текст, что-то вычеркивать или дописывать сообразно с пониманием текста его обработчиком.

Во-вторых, исследователю достается явно не авторский экземпляр рукописи. До него над ней потрудились, возможно, не один десяток переписчиков или комментаторов, которые также имели свое виденье и понимание рукописи. Мы должны быть признательны этим неведомым нам людям за то, что они сохранили для нас великое произведение, но мы также должны помнить, что даже самые педантичные и добросовестные работники совершают ошибки, что естественно и простительно. Мы должны учитывать, что люди бывают легкомысленны и тщеславны, и влекомые этими качествами могут умышленно, пусть и не злонамеренно, исказить пере-

писываемый ими текст.

Человек, взявший на себя ответственность переписывать, переводить, обрабатывать, интерпретировать текст "Дао дэ цзин", должен быть высококвалифицированным филологом, знатоком, как древнего, так и современного языка, а также глубоким философом. Вероятно, не все из приложивших руку к тексту за прошедшие десятки столетий, обладали должными знаниями и способностями. Автор данных комментариев также не является по образованию своему ни филологом, ни философом и, тем не менее, берет на себя смелость и кажется, осознает ответственность, необходимые для работы над бессмертным текстом "Дао дэ цзин".

В оправдание свое автор комментариев может сказать следующее. "Дао дэ цзин" философский, мировоззренческий трактат, написанный не как учебник или научное пособие для незначительного круга специалистов, посвященных, а для всех желающих осознать и себя, и вселенную. Ради познания, каждый вправе и прочесть и вынести из прочтенного, если получится, некоторое суждение. Автор "Дао дэ цзин" несомненно, был человеком Знающим, хотя в ту далекую пору не существовало такой образовательной системы как теперь. Поэтому мастера слова или другого дела излагали накопленный ими материал, знания в произвольной форме, более литературной, чем научной. Да и не существовало тогда распространенных нынче условностей, отделяющих ученых мужей от не ученых. Не было губительной для по-

знания специализации, квалификационных ранжиров, ученых степеней и званий. Авторы выражали свои мысли произвольно, не обременяя текст формой диссертации, научной статьи или монографии. Вероятно, существовали некоторые каноны для изложения, но лишь рекомендательные, необязательные. Оттого все древние тексты наполнены авторским своеобразием, индивидуальностью, не лишены эмоций и одухотворенности, что редко встречается в современных научных работах. Правда, такую интеллектуальную дисциплину, как философия трудно назвать наукой. Философия – сфера идей, понятий в ней много от искусства, а в обязанности науки входит схематизация, стандартизация, статистика, что для искусства – смерть, для философии кастрация. Произвольная авторская форма допускает определенную свободу и в работе комментатора.

Свобода мнений и возможностей в мире сегодняшнем предполагает право каждого высказывать любое мнение по каждому поводу с одной стороны, а с другой, существует ярко выраженная специализированность, узурпация информации строго в рамках отдельных дисциплин, отраслей, направлений познания. Научная этика предостерегает ученых мужей, специалистов высказывать свое мнение по темам животрепещущим за пределами их узконаправленных интересов. Роскошь говорить, что заблагорассудится, не опасаясь "потерять лицо", имеют лишь дилетанты. Автор комментариев, как человек, не имеющий специального образования, и

является до некоторой степени дилетантом, но тема и вопросы, приоткрываемые в "Дао дэ цзин" столь обширны и вечны, что действительно любой жаждущий истины может испытать свои интеллектуальные возможности в работе с текстом.

Кроме потенциальной свободы высказываться, не обязательной к применению существует и практическая целесообразность, а еще элементарная добросовестность. Зачем делать ту или иную необязательную работу, и сможешь ли ты выполнить ее прилично? Возможно, ли предложить читателям пусть не абсолютно оригинальное, но иное, своеобразное видение материала, темы? Автор комментариев и попытался анализировать текст "Дао дэ цзин" не с философско-филологической позиции, но обобщая личный практический опыт врача, специалиста в традиционной китайской медицине.

"Дао дэ цзин" книга о мироздании и нравственном законе. А современное сознание функционирует, к сожалению, крайне дискретно, выхватывая и воспринимая действительность по частям. Мы знаем, что существуют и мирозданческие вопросы, и нравственные, и практические, допускаем, что они взаимосвязаны и даже взаимозависимы, но не осознаем их единства, неразрывной общности. А "Дао дэ цзин" и дает нам эту целостность, приоткрывает взаимозависимость всех вещей и явлений бытия.

Историческое и культурное своеобразие Древнего Китая,

а может быть личностные особенности автора "Дао дэ цзин", являют нам работу о целостности мира и главным для человека, не детализируя и не разглашая общей схемы построения мироздания, она опускается, предполагая, сознательно. Поэтому анализировать и комментировать текст "Дао дэ цзин", не приводя и не разъясняя этой схемы с точки зрения автора комментариев, невозможно. Описывать и расшифровывать подразумеваемую автором "Дао дэ цзин" структуру принципов непосредственно в пояснениях к главам затруднительно, потому что пришлось бы это делать неоднократно, что отвлекало бы от общей логики повествования, и приводило бы к излишним повторам. Поэтому комментатор ограничился пояснениями непосредственно к тексту, а расшифровку схемы принципов предпринял в дополнительной статье, которая имеет не меньшее значение.

Человечество познает мир, отталкиваясь от практики, от фактов. Деятельность наводит на мысли, которые затем формируются в идеи, а далее в принципы. Умозрительные попытки миропостроения, не опирающиеся на реальную практику, порождают нежизнеспособные утопические и мистические теории. То же самое происходит, когда из многих фактов выхватывают понравившиеся, и на их основе создают теории, а затем укладывают в них всю реальность, что не вписывается, предпочитают не замечать.

Автор комментариев исследовал "Дао дэ цзин", опираясь на личную врачебную практику, предполагая, что именно в

тексте "Дао дэ цзин" содержатся обобщения, единство для всех постулатов традиционной китайской медицины. Надеюсь, читатель понимает, в познании человека, как части мироздания, медицина является самой реальной сферой практического опыта и наиболее жесткой, можно сказать жестокой. Если доктор, пользуя пациента, верно, понимает причинно-следственные процессы развития болезни, делает из этого должные выводы, использует соответствующие методы в терапии, результат это подтверждает. Если доктор понимает состояние пациента не верно, результат также это продемонстрирует, причем довольно быстро. За пятнадцать с лишком лет практики можно прийти к некоторым выводам.

Мы не будем заниматься медицинскими вопросами, но автор комментариев подчеркивает и настаивает, что почти все сказанное возникло не из умозаключений: "Я так думаю, потому что, я думаю, что это так, поскольку я думал так-то и так-то", а из опыта. Мышление также является опытом и реальностью, но для индивидуума взаимоотношения с людьми, особенно в практической медицине, порождает совсем иной опыт и реальность. Поэтому: "Я думаю так-то, по такому-то вопросу, поскольку убедился на практике, что это так, а не иначе". Несколько общих замечаний относительно текста "Дао дэ цзин". Можно только догадываться, как выглядела работа в авторской рукописи. Сколько имела частей, была разбита на главы или нет, и если так, то в каком порядке они располагались. Вероятно, мы имеем дело с вариантом,

очень непохожим на первоначальный, по форме и структуре, слишком много времени прошло, и слишком много людей приложило к нему руку, сохраняя его для потомков. Возможно, и содержание претерпело некоторые изменения, что-то тщеславие или легкомыслие вычеркнули, что-то дописали. Самый блестящий перевод невольно искажает смысл сказанного. И, тем не менее, все эти обстоятельства нас смущать не должны.

Главным образом, потому что суть, смысл текста сохранен. Если бы содержание, основные идеи "Дао дэ цзин" исказились до неузнаваемости, если бы логика повествования утратилась, мы воспринимали бы текст более как исторический и культурный памятник эпохи, но не как философское сочинение. Автор "Дао дэ цзин" вероятно предвидел, что нам, любопытным и заблудшим потомкам, достанется для прочтения не все и не в том виде, как первоначально написано. Поэтому он, как истинный Совершенномудрый, позаботился о нас детях своих.

"Дао дэ цзин" краток, и не потому, что автору нечего было сказать, наоборот. "Дао дэ цзин" краток, потому что небольшие по объему тексты легче сохранять и переписывать, и труднее исказить. Частенько великие мыслители, особенно в древности, учитывая и оберегая интеллект соплеменников, сводили учение к нескольким, а иногда и одному афоризму. Опускали большую часть рассуждений или не записывали или не имели возможности сохранить, работали можно

сказать на результат. А если у потомков возникало желание разобраться и понять, как и почему Великий пришел к такому-то заключению, находились ученики, последователи или комментаторы добровольно (всегда есть охотники погреться в лучах и отразить персоной своей сияние Великого человека), толкующие и отдельные места, а иногда и все движения души и мысли гения.

"Дао дэ цзин" краток еще и потому, что не предназначался для массового сознания, время было иное. Автор не допускал возможности проникновения в истину всех граждан и потому что неспособны, и потому что не всем это необходимо и был в целом прав. За прошедшие столетия человечество стало информированней, но не умней. С другой стороны, автор сделал работу краткой именно для того, чтобы ее могли прочесть многие. Не каждый найдет в себе силы углубиться в многостраничный философский труд, а небольшую книжечку глядишь, и прочтёт, и, может быть, воспользуется рекомендациями. И не так важно, понимает ли последователь логику и глубину, пусть он живет в соответствии с пожеланиями, это лучше, чем разбираться в деталях, но действовать иначе.

Поэтому "Дао дэ цзин" содержит общую идею дао и рекомендации для совершенномудрых, государя и всех желающих следовать дао. Учитывая возможность искажений текста, автор допускает небольшие повторы основных идей, и дает практические рекомендации для читателей с разных

сторон бытия. В надежде, что, если где-то переписчики, интерпретаторы и напутают, общая картина существенно не пострадает. И поэтому еще "Дао дэ цзин" краток, что множество деталей допускает большую возможность для заблуждений и отклонений в сторону от главной, общей идеи.

Автор комментариев видит своей задачей восстановить логику, структуру взаимодействия между общей идеей и практическими советами для всех и каждого. И не следует очень беспокоиться о неточностях перевода, об утрате или искажении отдельных мест текста и других возможных дефектах. Если предлагаемая схема аккуратно выполнит пространство между основной идеей и практическими советами "Дао дэ цзин" на каждый день, если Вам читатель, вашему разуму, сознанию и чувству приоткроется вся прелесть и простота главной идеи, автор комментариев сможет посчитать свою задачу выполненной.

Текст – комментарий.

1. Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [дао], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. [Переход] от одного глубочайшего к другому – дверь ко всему чудесному.

Сказано ясно: суть и смысл слова-символа дао невозможно выразить в словах. Это означает, что любые попытки перевести понятие дао или детально разъяснить обречены. Но сделана оговорка "постоянное дао", что указывает на существование и дао переменного. Дао постоянно изменяется, это его важнейшее свойство, но при этом остается "постоянным". Такова суть сей вещи, то есть дао, – изменяться, не утрачивая при том своего постоянства. Перемены без изменения свойств возможны, потому что дао не имеет свойств.

Дао "безымянное" – начало неба и земли, иначе всего су-

щего. Поэтому дао, слово-символ, не суть, а лишь обозначение, бессмысленно и безмыслимо, но уместно, поскольку мы не можем обходиться без названий, обозначений, пусть и трудно разъяснимых.

Дао неопределимо потому, что и говорим мы, и мыслим в иных категориях, нежели суть дао. Даже банальные слова, написанные или произнесенные, вызывают в нас, услышавших или прочитавших, иные, различные ассоциации или образы, или не очень известно, что и не очень понятно где. В этой ситуации общение даже на бытовом уровне вызывает массу затруднений, с чем мы регулярно сталкиваемся в нашей повседневности, что уж говорить о категориях философских.

Если бы мы попытались дао обозначить, например, как "нечто", каждый пытался бы понимать под "нечто" различное и был бы прав. Из безымянного дао появляются вещи, смысл которых мы в большей или меньшей степени определить можем и соответственно называем. Как ни многозначны понятия неба и земли, эти слова-символы для нас с вами относительно конкретны. Поставить знак тождества между дао и "нечто" нельзя, поскольку "нечто" – всё что угодно каждому. А дао, как мы заметили, изменяется, существует и постоянным, и непостоянным и дает начало всему. "Нечто" же на все это будет способно, только тогда, когда мы этого захотим. Дао от наших желаний не зависит.

Дао вообще не зависит, не относится, не связано и тому подобное. Оно лишь начало, лишь порождает вещи, явления, понятия, которые можно назвать и попытаться понять или прочувствовать, или как-либо засвидетельствовать. С дао все это невозможно, что никак не означает отсутствия дао. Более того, изменяясь и порождая, дао остается в постоянной форме-сущи-смысле. Это не его, дао, забота-проблема, что мы, такие нетолковые, определить и понять его не можем. Не беда, мы так устроены, благодаря дао, разумеется, а оно-он-она – дао иначе организовано, вот и все.

И хотя мы по его законам существуем, но, являясь последней ступенькой эволюции, не понимаем, не воспринимаем, не ощущаем простенькие, начальные, первые ступеньки-шажочки эволюционного процесса.

Говоря иначе все, что существует вокруг нас и мы с вами – есть дао. Но мы, несовершенные или самые-самые, или просто другие, страсти имеющие, видим его, дао, лишь в конечной, конкретной форме развития "обладающего" именем, явленного из "безымянного", которое в свой черед из дао предстало. Страсти в данном случае есть наши свойства и качества.

В первой главе упоминается также о чудесном. Чудес, разумеется, не бывает, но удивительные явления и ситуации случаются. Разглядеть последовательность, закономерность удивительного и мешают нам страсти наши.

Благодаря им, страстям, не в силах мы распознать удивительно-любопытные превращения вещей друг в друга, в нас самих и вокруг нас. Запутались мы маленько в названиях-обозначениях, существование которых мешает нам проникнуть в суть "глубочайшего", – перехода одной вещи или явления в другое. Затруднительно представить ситуацию, когда некое уже не есть оно, но ещё и не другое, а такое случается ежедневно, даже сиюминутно, поскольку нет в мире ничего застывшего и вечного, кроме изменяющегося дао. Принятие постулата об отсутствии постоянства, кроме постоянства непостоянного и есть "дверь ко всему чудесному".

А страсти наши, если понимать их как сосредоточение на чем-либо, будут мешать воспринимать, осознавать, чувствовать единое, постоянное, изменяющееся. Они, страсти, весьма бесцеремонно и настойчиво требуют сосредоточиться на части бытия. А разве при таком подходе можно проникнуть в изначальное-безымянное? Первый шаг к познанию, проникновению в дао есть отказ от страстей, обувающих нас и подавляемых нами.

2. Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и лёгкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся,

высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены.

Люди, познавая окружающую их Поднебесную, с обычным для них самомнением, впрочем, вполне объяснимым, (человек, как ни как, верхушка эволюционного процесса, правда, процесс ещё не закончился), определили для себя: не все в мире является правильным и прекрасным. Люди стали оценивать существующее. И совершенно напрасно. Любая оценка и сравнение предполагают, что какая-либо вещь, или событие, или явление лучше или хуже другого, с точки зрения оценивающего, разумеется. В такой ситуации неестественным образом появляется прекрасное и безобразное, доброе и злое и так далее.

Люди не первые попытались сформулировать некие ценностные ориентиры для себя. Любая тварь живущая выбирает чем кормиться, где жить и тому подобное, то есть имеет некое подобие добра и зла, съедобного или ядовитого и прочее. Человек попытался не только оценить, но и пре-

образовать то, что существует в Поднебесной, что дано ему для жизни просто так, даром. То, что вышло из дао и превратилось в конечные формы, существует независимо от человека и явлено до него. И длинное, и короткое, и высокое, и низкое, и бытие и небытие неплохо себя ощущали, следовали, чередуя друг друга, никому не предъявляли никаких претензий. Верхушке эволюции принятия сущего было недостаточно и она, верхушка, попыталась, (мол, мы тоже из дао), вмешаться в процесс преобразования и не безрезультатно. Забавно другое, результат верхушку не устраивает. Верно? Устраивает вас наша жизнь? Нет и нет, в абсолютном и подавляющем большинстве нашем. А почему? Потому что прежде, чем делать что-либо, неплохо бы представлять последствия трудозатрат, а также знать, как делать, как влиять на предмет или ситуацию. А поскольку ни то, ни другое не известно, в результате человеческой деятельности часто получается совсем не то, на что рассчитывали люди.

Согласитесь, ни цели, ни методы преобразования нам не ведомы, кроме трудно определимого, иллюзорного понятия блага, счастья или просто ради прогресса. Но самое главное, первые люди, знаменитый Адам с коллегами вполне прилично ощущали себя в райском саду. У многих народов в мифах и сказаниях присутствует версия о блаженстве первых граждан мира.

Причины появления человека и следствия этого пока

оставим без внимания. Сейчас важнее спросить самих себя: а было ли первочеловекам столь неудобно в Поднебесной без шерстяных носков, ложек, вилок и других атрибутов цивилизации? Все остальные как будто и глупее нас, но живут, не ропщут. Уж не потому ли, что говорить не умеют? Так ли необходимо было без цели и плана, без ясного метода перекраивать Поднебесную?

"Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает надеяние". Кто понял, что не знает, зачем и как, тот мудрый. Но этого мало, кто понял, как и зачем, тот совершенномудрый и предпочитает надеяние. Последнее не имеет ничего общего с ничегонеделанием, тунеядством и ленью – это крайности, которых совершенномудрый почти лишён. Почти означает, что совершенномудрый соприкасается с крайностями нечасто, как правило, дважды – когда рождается и когда умирает.

Надеяние совершенномудрого есть следование естественному процессу преобразований и перемен, происходящих вокруг него, закономерных, из дао явленных и хорошо ему известных, иначе не был бы он совершенным и мудрым. Сама жизнь его – пример другим; поэтому и сказано: "осуществляя учение, не прибегает к словам". К чему трепаться – делай как я, и всё будет в порядке.

Вещи изменяются. Зачем вмешиваться и прилагать усилия, если известно, что произойдет? Необходимо лишь использовать для себя перемены. А поскольку совершенномуд-

рый не только знал и ожидал естественных преобразований, он ещё и желал их. Таким образом, у наблюдающих за ним возникает ощущение, что он делал это без усилий, и вообще, как будто всё произошло по воле и желанию совершенномудрого.

О желаниях совершенномудрого не упоминается, но сие очевидно – не может же мудрец желать того, что не случится и не может не желать ничего, поскольку человек.

Более того, мудрец не стремится ни присвоить, ни овладеть созданным и даже не гордится результатом. Это совершенно не соответствует общепринятой практике, которая не соответствует дао. Не обладая и не гордясь, не испытываешь зависти наблюдателей, а это само по себе уже немало. На зависть можно и не обращать внимания, но на её последствия (она, как правило, вызывает у её обладателей множество разнообразных желаний напакостить предмету зависти), не отреагировать будет сложно. То же можно сказать и о гордости. Кроме того, если автору известно, что не он создал, он лишь следовал переменам, зачем обладать и гордиться? Зачем тратить силы на обладание сотворенным, если оно, как и всё остальное, и ты сам, изменчиво? По прошествии времени ты сам можешь потерять интерес к предмету или испортится предмет, так к чему обладать ненужным? И ещё, и жизнь, и деяния (вернее недеяние) совершенномудрого оценивают не только мудрые, но и все право имеющие, то есть все, кому не лень. А люди

в подавляющем большинстве так устроены, что обращают внимание не на факт творения, поскольку истинное его значение и смысл для них недостижимы, а на характер, манеры, привычки автора. Но в случае с мудрецом им зацепиться в неприязни своей не за что. Нет у совершенномудрого ни гордости, ни богатств, ни льгот, ни благ, как результата его надежды – ничего, что позволило бы человекам испачкать его доброе имя. Мудрецу всяческие мнения безразличны. Он сделал, не делая, и отдал – валяйте, пользуйтесь. А поскольку оценщикам придется не к чему, "его заслуги не могут быть отброшены".

Отметим, совершенномудрый отдает не потому, что он такой уж бесребренник, не в этом дело. Он знает: отдача себя, своих способностей, возможностей абсолютно естественное свойство, именно свойство человека. Это его дар – отдавать. Без этого быть совершенным невозможно.

3. Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки – полными. [Его управление] ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать.

Осуществление надежды всегда приносит спокойствие.

Как видим, вопросы политики и управления имеют давнюю историю. К сожалению, мечта думающих людей прошлого так и осталась нереализованной. А как хотелось, чтобы правили людьми совершенномудрые. Но нет, не случилось. Несмотря на то, что ни совершенными, ни мудрыми нынешние правители не сделались, кое-чему они все же научились, принцип "хлеба и зрелищ" не отменили, но значительно усовершенствовали.

Впрочем, это медицинский вопрос. В традиции китайской медицины, за волю (как функцию) и кости, то есть костную ткань, и за обменные процессы в ней отвечает один орган, — а именно почки. В данном случае (и вообще в китайской медицине) термин орган следует понимать как функциональную единицу, точнее, как программу, включающую в себя физиологическую, психоэмоциональную, духовные составляющие. Так вот почки, отвечающие и за волю, и за кости, вынуждены "выбирать" между волевыми усилиями и обменными процессами костной ткани. При избытке воли человек, как правило, имеет слабые кости, что проявляется в виде остеопороза, патологической ломкости костей и других заболеваний. И поглощением кальция делу не поможешь, так как стремление народа в потреблении "редких предметов" ничего не оставляет костям. А всё потому, что сердца их переполнены. А сердце в китайской традиции — ор-

ган справедливости, меры. Поэтому мудрый правитель, заботясь о здоровье своего народа, не должен потакать глупостям и зрелищам, волнующим сердца людские, но более беспокоится о полных желудках. Да и знания народу ни к чему. В мире сегодняшнем под знанием понимают информацию, то есть сведения. Чем больше человек знает, тем, навивно полагают граждане, лучше. Автор "Дао дэ цзин" термин "знание" употребляет в смысле "понимание" событий, вещей, явлений, жизни. А поскольку добиться понимания в массовых масштабах затруднительно, предлагается отказаться от знания, то есть понимания. По крайней мере, до поры до времени.

Оценка событий, явлений, ситуаций, людей, правителей не должна быть прерогативой народа. Это неразумно. Во-первых, потому что эта оценка не может быть однозначной в принципе, а во-вторых, легко может измениться. Поэтому совершенномудрый правитель личным примером формирует в народе единое понимание и оценку всего и вся. Тиранические, тоталитарные режимы отчасти пользуются таким управленческим приемом. В современной информированной демократии возникает иллюзия, что народ самостоятельно решает какие-то вопросы, но на самом деле это не так. Изобилие поверхностных, не систематизированных знаний, которыми насыщена нынешняя массовая культура, а, по сути, плохо организованное массовое невежество, порождает заблуждение, мол, граждане самосто-

ательно выбирают правителей и оценивают их деятельность. На самом деле различия между тиранией и демократией лишь поверхностные. Социальное общество всегда и обязательно заставляет человека следовать определенным нормам. Просто тирании делают это зачастую грубо, а демократии более изощренно.

4. Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей.

Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке.

"О глубочайшее!" звучит несколько сентиментально, но как не восхититься неисчерпаемому и предшествующему "небесному владыке". Этот владыка некоторым образом напоминает известного нам господина Бога и не без основания. Однако Бог в сознании людей обходится без дао, сам всему предшествует, сотворяет и по некоторым представлениям управляет созданным.

Из текста следует, что он сам порождение дао. Обойти вопрос о приоритете очень хочется, но не получится. Всё дело в нашем способе мыслить, язык не поворачивается сказать, методе. Мы всё существующее наделяем мотивами и

свойствами, которые в себе самих ощущаем или наблюдаем. Но откуда нам это почудилось? У нас с иным-другим много общего, но существуют и различия. Каковы эти различия? Не зная ответа этот простенький вопрос и следует относиться к первоначальному, предшествующему "небесному владыке", как глубочайшему, все потенциально являющему, но свойств не имеющему. Поэтому и говорить о пустоте дао, поскольку вещь, имеющая в себе даже малейшие свойства, уже ограничена этими свойствами в своей творческой деятельности. Дао не ограничено.

"Дао пусто" – эта абсолютная способность, возможность сотворить всё, что угодно и в первую очередь господа Бога.

5. Небо и земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью. Разве пространство между небом и землей не похоже на кузнечный мех? Чем больше [в нём] пустоты, тем дольше [он] действует, чем сильнее [в нём] движение, тем больше [из него] выходит [ветер].

Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдай меру.

Совершенномудрый, как "небо и земля" – образ-символ

дао, закона, порядка, в том числе всевышнего и человека "идеального", любит народ в меру, без назиданий, морализаторства и прочих воспитательных мероприятий. Навязчивая любовь частенько хуже ненависти. Живите народы свободно, очень свободно, совсем свободно. Подчеркнем, свобода – ещё одно из важнейших свойств человека – лишь самим человеком и ограничивается. Ни одно существо не может позволить себе существования подобного человеческому. Братишки наши меньшие замкнуты в житухе своей инстинктами, средой обитания, пищевыми ресурсами и так далее. Человек преодолевает всё, если захочет. Упомянутый мех кузнечный и есть безграничная человеческая свобода, символ абсолютных возможностей. Именно "изобилие пустоты" в человеке, как в мехе кузнечном, позволяет первому вытворять всё, что заблагорассудится. Так и быть должно, поэтому совершенномудрый не навязывает народу "идеалы" позволяя людям "жить собственной жизнью". Народы и стараются.

Может показаться, что перестарались. И, мол, совершенномудрый вполне мог хотя бы предостеречь шибко деятельных. Он так и делает, наиболее простым и самым убедительным совершенномудрым способом, как "небо и земля", – не вмешиваясь.

К чему приводит ничем не ограниченная жажда преобразований, мы наблюдаем в повседневности. Достаточно вспомнить экологические и техногенные катастрофы. Это

и есть глас земнонебесный: "Угомонитесь". Но люди есть люди, не внемлют. Совершенномудрый как "небо и земля", лишним слов не говорит, не пророчествует, знамений не являет, что толку? Всё равно не прислушаются.

6. Превращения невидимого [дао] бесконечны. [Дао] – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действия неисчерпаемо.

В этой главе наблюдается некоторый повтор тезиса об источнике всего – вечности и бесконечности. И ещё упоминаются небо и земля как первые свойства-символы бытия, из коих и произошло всё остальное: очень многое и сами понятия о вечности-бесконечности-источнике. Следует признать и принять, что понятия и сама суть их не существуют до проявления из дао неба, земли и других значений. Ибо только что-то, имеющее название может быть вечным, бесконечным, иметь источник и восприниматься нами, названия дающими. Вот и сказано, мол, не беспокойте умы свои – нет в дао разлюбезных вам, но неопределенных сущностей, таких как вечность, бесконечность и прочих.

Кстати, если этих "сущностей" нет в дао, вероятно, их нет совсем. Отчасти поэтому мы и определить их не можем. То есть называемое нами вечным или бесконечным на самом деле таковым не является. Это всего лишь допуск в

нашем воображении.

Бесконечны лишь перемены, принцип, постулат, правило, из дао явленные.

7. Небе и земля – долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечны.

Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это от того, что он пренебрегает личными [интересами]

Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

Совершенномудрый действует аналогично небу и земле, которые следуют дао и ничего, собственно, не делают. Вновь надеяние, ещё и в том смысле, что меньше применяешь себя – меньше ошибаешься. А если в тебе (объекте биологическом) и в судьбе твоей за жизнь твою накапливается меньше ошибок, естественно, разрушаешься меньше, а посему и живешь дольше. Не суйся в гуру и вожди, не взлетай высоко – не придется падать низко. А это очень неприятно, "из князя в грязи". Не цени жизнь свою, в смысле умеренно пренебрегай, не опасайся потерь.

Боязнь, почти тот же страх есть концентрация, сре-

доточение, напряжение в организме, и в физиологическом, и прочих смыслах. Что делает существо в страхе? Верно, в начале, замирает, затем действует по ситуации. Страх, замирание, средоточение – противоположно свободе как неотъемлемому свойству человека и противоречит дао. Следовательно, не полезно для здоровья. Накопление всяческих страхов, несомненно, приводит к болезням и смерти. В медицинском смысле, согласно китайской традиции, страх поражает, прежде всего, почки, а преодолевается волей. Именно поэтому, первое правило тирании – подавление воли для предоставления места страху. И современные демократии не обходятся без страшилок для своих граждан – сообществу нужны враги, без них трудно манипулировать сознанием.

Вот почему совершенномудрый предпочитает находиться позади, ибо большие опасаются первые, главные, поскольку большие имеют.

8. Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на дао.

[Человек, обладающий высшей добродетелью, так же как и вода], должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным; в словах должен быть искренним; в управлении [страной] должен быть последова-

тельным; в делах должен исходить из возможностей; в действиях должен учитывать время. Поскольку [он], так же как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок.

Действительно, именно вода может символизировать дао. Здесь подразумевается вода в обыденном значении этого слова. Не следует путать с термином "вода" в системе пяти элементов. Вода является странным и необходимым веществом для всего живущего. Только вода наблюдается нами в естественных условиях в трех агрегатных состояниях: пар, жидкость и лед. Причем и в твердом, и в парообразном состоянии она расширяется. Мы с вами процентов на 65 состоим из воды, в детстве больше. С возрастом, как известно, человек "высыхает". По справедливому наблюдению древнего автора, вода аккуратно и последовательно действует по дао. Холодно – замерзает, жарко – испаряется, есть возможность – течёт, нет – не течёт. Не борется и вообще стремится вниз. Люди, наоборот, почти всегда и везде устремлены вверх и не важно для них жарко или холодно, есть возможность, нет ли, пришла пора или не время – только вверх. И напрасно. Совершенномудрый действует, как вода, по обстоятельствам, поэтому "не совершает ошибок".

Писанные и неписанные социальные законы диктуют людскому сообществу и персонажам иные формы поведения, стиль жизни, нежели предусмотрено дао. Человек, создан-

ный и функционирующий по дао-принципам, вынужден изгибаться, приспособливаться под правила таи, что, разумеется, не может не сказаться на его самочувствии. Нас воспитывают без всякой жалости и снисхождения с детства раннего и до конца дней наших недолгих. Не каждый может сопротивляться и давлению родительского авторитета, и порядкам общеобразовательной системы, и рекламе и вообще мнениям других. Человек приспособливается, насилует сущность свою, нарушает принципы дао и в результате погибает. И всё потому, что "его сердце должно следовать внутренним побуждениям", а не мнениям и суждениям кого попало.

9. Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [все время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду.

Когда дело завершено, человек [должен] устраниваться. В этом закон небесного дао.

"Наполнить" означает завершить всё что угодно и собственную жизнь в том числе. Вы, конечно, замечали, процесс почти всегда много приятней результата. Последний есть остановка, важнее само действие, нежели плоды и ре-

зультаты. Течение, переменчивость, вообще движение есть обязательное, необходимое и наше врожденное свойство-качество. Посему не стремитесь к завершению (заполнению), не используйте вещи и обстоятельства до конца, до предела. Помните, предела нет. Предел, как горизонт, виден, но не достигаем.

Что, собственно, есть предел, заполнение, завершение и так далее? Это либо смерть, либо идеальное совершенство. О конечном не будем, но идеальное? Спросите любого мастера, работа которого восхитила вас: "А можно сделать лучше?" (Неделикатный вопрос, конечно, но по сути верный). Он почти наверняка ответит, разумеется, можно, ибо совершенству предела нет. Порядочный мастер всегда будет недоволен собой и это нормально. Это соответствует дао, поэтому и мастеров порядочных немного. Причина недостижимости абсолютного совершенства в переменчивости самого мастера. Пока он творит, меняется и сам. И частенько великолепное вчера творение, сегодня оказывается лишь неплохим, а иногда совсем никуда не годным.

И ещё, "лучше ничего не делать", чем бессмысленно суетиться, как большинство из нас соответственно общераспространенным образцам бытия.

Может показаться неприятной необходимость устраняться после завершения дела. Зачем тогда делать, если не пожинаать плоды? Но разговор идет о делах, достойных человека, достойных его способностей и возможностей, что-

то вроде "Джюконды" или "Онегина". Подобное совершается, когда автор следует дао, это его право и обязанность и не более того. Другого пути к явлению шедевра просто нет, и неважно, известно ли автору понятие или слово дао. Поэтому и гордится автору особенно нечем и устранился от "дела" следует, поскольку никаких особых заслуг в выполнении собственного предназначения нет. Просто следовал дао – это нормально и естественно. Так или примерно так осознают себя истинно Великие, демонстрируя в жизни своей, как правило, странную для потомков "скромность". Рядом с такими людьми современники вынуждены кичиться, пыжиться и всяческое из себя изображать – и суетно это, и хлопотно, и бесполезно, поскольку удовлетворения не приносит.

Возможно ли быть счастливым, не следуя дао? Нет, следствием нарушения дао будут болезни, разочарование и забвение.

"Если острым [всё время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]". Отдыхать надо, уважаемые, хотя бы как господь на седьмой день после трудов великих. (Правда, господний отпуск несколько затянулся). Всех дел не переделаешь, да и невозможно всё время совершать великое, не следует превращать жизнь в каждодневный по-двиг.

10. Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохра-

нить его? Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорожденному? Если созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения? Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости? Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости? Возможно ли осуществление надеяния, если познать все взаимоотношения в природе?

Создавать и воспитывать [сущее]; создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином – вот что называется глубочайшим дэ.

В отличие от дао, термин дэ некоторым образом возможно определить. Дэ вещи, обстоятельства или человека, в данном случае именно человека, есть следование собственному, индивидуальному дао. Принцип, закон, порядок дао для всех един, но каждый, каждая, каждое следует или не следует дао до некоторой степени самостоятельно. Вот это самостоятельное, личное, исключительно собственное следование всеобщему единому дао и есть "глубочайшее дэ". Сложность сего следования заключена в следующем: правила дао просты и достаточно известны. Неизвестны наши индивидуальные особенности, качества, свойства. Не сообщаются они нам при рождении и родителям нашим не сообщаются, и не ведают они, родители, что творят, воспитывая нас по образу своему и подобию. А мы другие, иногда по-

хожи, чаще не очень, но всегда другие. Да и наши родственники не одиноки в своем влиянии на нас, неизвестно каких.

Давнишнее и до сих пор трудно разрешаемое противоречие. Дабы быть в гармонии с миром, необходимо сей мир знать и понимать. Но для этого необходимо понимать и знать самого себя. Бытующий "социальный мир" совсем не соответствует нашему "миру внутреннему", взаимовлияние этих миров крайне запутанно и противоречиво. В значительной степени, именно для разрешения этого противоречия и представлен нам "Дао дэ цзин".

Если познаешь себя и будешь следовать собственному дэ, "душа и тело будут в единстве". Сие означает: определись в собственных мотивах, отдели то, что ты действительно хочешь сам, а что тебе навязали извне, как значимое, как цель и руководство к действию. Для этого не упорствуй, сделай свой "дух мягким", прислушайся к собственному я, не спеши с решениями и действуй обязательно по собственным побуждениям. Для этого, разумеется, необходимо "чистое созерцание", которое в свою очередь требует "мудрости". Мудрость приобретаешь, следуя "превращениям в природе", следуя дао. Когда научишься, познаешь взаимоотношения в природе и вполне сможешь осуществлять недеяние.

"Чистое созерцание" означает здесь отделение главного от остального: иллюзий, домыслов, мифов, пристрастий, догм, – всего, привнесённого в человека образовательно-воспитательными процедурами.

11. Тридцать спиц соединяются в одной ступице, [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нём. Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зависит от пустоты.

Пустота и полнота – важнейшие понятия не только "Дао дэ цзин", но вообще китайской философии. В данном случае пустоту следует воспринимать как перспективу, а противоположную пустоте полноту как завершенность вещи. Когда нечто заполнено, оно либо умирает, либо начинает опустошаться. Пустота есть начало процесса, потенция вещи, человека или ситуации. Полнота – окончание. В этом смысле пустота есть жизнь, полнота – смерть.

В предыдущей главе сказано о познании и самопознании. Так вот, как ни многообразен и бескраен, для недалёковидного взгляда, разумеется, окружающий мир, как ни любопытен он, не следует спешить помещать всё в нем имеющееся в себя. И потому, что всё не поместится, а главное потому, что многое и не нужно. Дабы жить, оставляй в себе место для иного, действительно тебе необходимого. Не переполняй себя. А поскольку в начале пути трудновато бывает определить, что тебе брать следует, а что нет, лучше оставайся

пустым. Когда разберешься в себе, тогда и будешь наполняться, если захочешь. В реальности происходит как раз обратное: люди суетятся, хватают знания, впечатления, не разбирая и не задумываясь зачем, а когда осознают, что им на самом деле нужно — место занято не полезным, неважным, а время потрачено и годы ушли.

12. Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнует сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. Поэтому совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. Он отказывается от последнего и ограничивается первым.

Эта глава прозвучит неубедительно, поскольку абсолютно противоречит общепринятым представлениям. Кто поверит, что быть просто сытым лучше, нежели быть ещё и богатым? Состоятельный человек может и пить, и есть, и скакать, и таращиться, притупляя зрение о драгоценные предметы. Он делает всё это по двум причинам. Либо продемонстрировать другим сколь он имеет, иначе, зачем иметь, либо ему в одиночестве с самим собой не очень уютно, зачастую и то и другое. А вот совершенномудрый предпочитает иное, он понимает, имея много, боишься потерять многое, больше опасаясь, зависишь от вещей, которые тебя окру-

жают. И получается, наоборот, не тебе, хозяину они служат, а ты им. И служба эта медом не покажется, и продемонстрировать надо это всё и сохранить. Многое жаждут послужить вещам, служите ребята, старайтесь.

13. Слава и позор подобны страху. Знатность подобна великому несчастью в жизни. Что значит слава и позор подобны страху? Это значит, нижестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют её также со страхом. Это и называется – слава и позор подобны страху.

Что значит, знатность подобна великому несчастью в жизни? Это значит, что я имею великое несчастье, потому что я [дорожу] самим собой. Когда я не буду дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья. Поэтому знатный, самоотверженно служа людям, может жить среди них. Гуманный, самоотверженно служа людям, может находиться среди них.

Как и в предыдущей главе, находим здесь некоторые поведенческие рекомендации определенным категориям граждан. Позор вещь неприятная, но закономерная. Позор, терпящий либо страсти свои не обуздал, либо глупость с избытком продемонстрировал. Поделом – предупреждали, не действуй. Так нет, всем хочется себя показать, страшно хочется порисоваться, что ж, получите и распишитесь. Знатным от рождения и того хуже. Носятся с ним, в ко-

лыбели ещё лежащим, как с торбой писаной. Он, естественно, к этому привыкает. И подрастая, мнит себя каким-то таким, а кем собственно? Ты кто мальчик? Сын, внук, племянник такого-то? Понятно. Да нет, я сам могу! Что можешь? Валяй, мы посмотрим. И так всю жизнь приходится утверждать себя, мол, не просто родственник, а сам кое-что представляю. Получается редко, иной спрос для знатных.

Словом, приобретаешь – боишься потерять, так страх сопровождает славу. Может лучше не иметь вовсе? Здесь необходимо уловить различие, ключом к пониманию которого является слово "иметь". Задача для знатных и не очень – отдавать (об отдаче упоминали), а не иметь. Служить людям "самоотверженно", не дорожа собой. Пусть слава живет сама по себе, если она есть. Не имея славу, не служишь ей – имея славу, не служи ей. Пусть она, слава, служит и другим, и тебе. Собой не дорожа, себя не потеряешь.

"Дорожить самим собой" непросто. Вообще самооценка – большая проблема, потому что никогда не бывает адекватной. Поскольку мы видим и оцениваем себя в основном как бы "изнутри", а другие видят нас и, соответственно, оценивают преимущественно "снаружи".

14. Смотрю на него и не вижу, а потому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому назы-

ваю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещен, его низ не затемнен. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называю его формой без форм, образом без существа. Поэтому называю его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следуя за ним и не вижу спины его. Придерживаясь древнего дао, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом дао.

Предложен метод познания дао, которое ни пощупать, ни лизнуть. Мы можем, используя все чувства наши и другие свойства-качества, лишь "пронять" себя "принципом дао". И только так. Принцип увидеть или услышать нельзя, понять можно. Дао и понять невозможно, поскольку понимание есть процесс интеллектуальный, а мышление появилось много позднее дао. Следовательно, для познания дао интеллект – инструмент малоприспособный. Сопоставив в познании интеллектуальное с чувственным, полной ясности все-таки не достигнуть. Впрочем, разделение познания на интеллектуальное и любое другое условно. Не можем мы в познавательном процессе быть ни полностью бесстрастными, ни абсолютно безмыслемы, ни ещё какими-либо, "потому что это едино". И мы едины, при всей нашей многогранности и разносторонности, но едины. Увлечлись несколько собственными много -, и разно-, поэтому и представляет-

ся нам будто мыслим или чувствуем, а следует лишь "придерживаясь древнего дао", "принять", "проникнуть" и тогда возможно "познать древнее начало".

15. В древности те, кто был способен к учёности, знал мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина не ведома. Поскольку она неведома, [я] произвольно даю [им] описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными подобно долине; они были непроницаемыми подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным содействовали жизни. Они соблюдали дао и не желали многого. Не желали многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового.

В главе четырнадцатой говорилось о познании дао, в этой – о познавших. Заметим, автор не указывает на современников своих – обращается к древности – достойные люди большая редкость. Сейчас и того хуже, народу сделалось больше, но достойных не прибавилось, разбавили мудрость. По правде сказать, привести в пример человека, дао познав-

шего, непросто, именно потому, что познал. Он живет, не высовываясь, потому и не видим и "неведома" другим глубина его. Ныне в моде самопоказ, бахвальство и прочие атрибуты имиджа. Нетрудно догадаться, как с точки зрения современной всеобщей показухи, будет выглядеть человек, в дао проникший. Ради справедливости отметим, что и во времена автора "Дао дэ цзин" познавший выглядел, как и теперь, иначе не требовалось бы специальных пояснений по вопросу. Непонятным, то есть непроницаемым. Простоватым, не понтовым, робким, нерешительным, осторожным, ибо недеяние – жизнь его. И, наконец, необъятным, то есть, ярких, явных черт характера и страстей не имеющим. Мы характеризуем нечто по свойствам его. Когда свойств много – не объять, а когда мало или совсем нет? Так же. Мелкие и мельчайшие выпячивают свое, слегка имеющееся, мол, смотрите, какой я, Я какой! Совершенномудрому сие не обязательно, он всё имеет в себе самом. Упомянутая важность гостя подразумевает деликатность, терпимость к соплеменникам, как детям малым, а детям взрослые представляются большими и важными.

Отсутствие лишних желаний как важнейшее качество совершенномудрого, дао познавшего, позволяло ему "грязное сделать чистым", иначе отделить причину от следствия. Верно, формулировать вопрос и, соответственно, получать правильный ответ, отличать главное, важное от второстепенного, суетного – в общем мыслить ясно. Это, есте-

ственно, позволяло Совершенному мудрому долго и спокойно, не прилагая усилий, без дрожи в членах и голосе плыть по жизни, следуя переменам дао.

Почему "не создавали нового"? А зачем? Познавших существующее вокруг них вполне устраивало, иначе их нельзя было бы считать познавшими. Да и что можно сделать лучше уже созданного? Почти всё, что нагромодило человечество вокруг себя за прошедшие эпохи, является лишь жалким подобием ранее сотворенного.

16. Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] – большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует дао. Тот, кто следует дао, вечен и до конца жизни [такой государь] не будет подвергаться опасности.

Человечество посчитало себя в праве быть мерой вещей, которых множество, "большое разнообразие". И всё бы ничего, при ясном понимании, что, собственно, происходит с миром, кто мы, по сути, корне и причине, что можем и должны совершить, раз родились? Вопрос не решен. Мы познаем мир, как дети, не беспокоясь, что станет с познаваемыми предметами. Взрослые заменяют детям сломанную игрушку, слегка накажут и всё. Эксперименты больших детей не столь безобидны для исследуемых предметов, да и для самих исследователей. И примеров тому множество.

Человечество давно слышит призывы людей, наблюдающих за последствиями нашей бестолковой деятельности, об опасности неаккуратного обращения с природой. А говорили, давно и неоднократно, следуй дао "и до конца жизни" опасности не будет.

А всего и требуется "сделать [свое сердце] беспристрастным", это позволит мыслить и чувствовать ясно. Эта ясность восприятия и мышления позволит отделить истину от лжи. Свойственное человеку от природы, естественное, от выдуманного им самим же, социализирующего. Тогда явственно пред человеком предстанет сущность его, которая и есть "постоянство" – главное. Исчезнет путаница, так мешающая человеку существовать – путаница между догмами воспитания, образования, ритуалов и собственно свойствами, данными человеку изначально как принцип существования. Тогда человеку не придется надры-

вать сердце свое страстями, и можно будет следовать покою, то есть дао.

Человек, знающий свою сущность – изначально, становится беспристрастным, покойным, постоянным. Понимающим, что всё приходит из небытия, всё и возвращается в него.

17. Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Поэтому, кто не заслуживает доверия, не пользуется доверием [у людей]. Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела, и народ говорит, что он следует естественности.

Сколь не совершенен социальный мир, в котором мы живем! Презирать, бояться правителей, на худой конец любить, это мы ещё можем понять, но знать лишь то, что некое, управляющее нами, существует!? И всё!? А что? Не демократично, конечно, но какое нам дело до правителя, если он жить нам не мешает? Избавимся от очередной иллюзии: мол, некто хороший, сделает нашу жизнь лучше. Человечество очень давно приобрело это любопытное заблуждение и не желает с ним расстаться. Решение основополагающих вопросов собственного существования люди с лег-

костью перепоручило другим – выше, рядом, прежде и так далее стоящим. С одной стороны, каждый и все мы в целом почитаем себя вершиной эволюции, с другой, наблюдается удивительное самоуничижение, мол, это не я, человечество придумало, решило, определило, назначило, а некто, дух, рок, господь, судьба и так далее. Но эти, ведущие нас, лишь предполагаются в нашем воображении. Науке, которая для человека современного также является неким подобием господнего предопределения, ничего конкретного о руководстве нашем неизвестно. Подозрительная ситуация: при безмерной нашей деятельности, полное отсутствие понимания её смысла, целей, плана и руководящих структур. Либо действительно бытие является для нас тайной за семью печатями и следует смириться, либо мы пока не понимаем сущего и самих себя.

Возможно, человечество – никакая не вершина эволюционная и нечего задирать нос. Впрочем, свойство вершины быть высокой и не более того. Или мы куклы в шаловливых руках всевышнего-кукловода, который был и останется для нас лишь существующим? Или может быть что-то ещё?

Представим, что нас нет на планете. Просто нет, а всё остальное существует. Мы же не участвующие в процессе наблюдатели. Имея некоторую склонность к размышлениям, мы непременно отметим присущую закономерность, систему в наблюдаемых нами преобразованиях. Согласитесь, хаос в мир привносит лишь человек. Если есть система, то

есть закономерность, значит, существует и принцип, согласно которому она работает. Отметим сразу, что искать план или цель в наблюдаемом не следует. Во-первых, не найдем, если он и существует, знать его может лишь тот, кто инициировал процесс и знает его механизм. Во-вторых, плана нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.